

Петр Немировский

СПАСТИ УБИЙЦУ

Из записок нью-йоркского психотерапевта

Содержание

У каждого свои проблемы
Иван и его палач
Психиатрия и тирания
Эпилог

У КАЖДОГО СВОИ ПРОБЛЕМЫ

Глава 1

«Время близилось к ланчу, когда секретарша, наконец, постучала по стеклянной перегородке, отделявшей регистратуру от врачебных кабинетов, и жестом подозвала Германа. Сказала, что Ричард Грубер ждет его в своем кабинете.

– Мистер Генри, входите! – заведующий клиникой или, как его называли коллеги, «Психиатр номер один», приподнялся в кресле. Он произнес имя Германа с ошибкой, вероятно, по созвучию с американским именем. – Рад познакомиться. Извините, что заставил вас ждать.

– Я тоже рад с вами познакомиться, – ответил Герман, протягивая руку.

– Значит, вы направлены к нам для прохождения интернатуры, – Ричард Грубер снова сел в кресло и внимательно посмотрел на нового практиканта. Он увидел перед собой молодого черноволосого мужчину лет тридцати семи-восьми, худощавого, аккуратно одетого. Все пуговицы белой рубашки застегнуты, черный тонкий галстук спускается строго вертикально под сходящимися лацканами пиджака. Брюки отглажены, туфли блестят. В общем, придраться не к чему. Во время недолгого разговора мистер Грубер бросил еще несколько взглядов на практиканта, так, на всякий случай.

Нельзя сказать, что Ричард Грубер был черств и безразличен к людям, отнюдь нет. Но в клинику для прохождения практики постоянно направлялись «интерны» – будущие психиатры, психотерапевты, социальные работники, медсестры. Набравшись кой-какого опыта, они уходили, и на смену им тут же прибывали новые. Поэтому запомнить всю эту армию

(чтобы не сказать ораву) будущих работников системы здравоохранения мистер Грубер был абсолютно не в состоянии.

Сам он выглядел вполне представительно, в его облике, как говорят, «пробивала порода». Держался с достоинством, подобающим должности, говорил не спеша, используя простые и точные выражения.

У него было умное, приятное лицо англо-саксонского типа, шевелюра еще густых темных волос. Бережное отношение к себе, здоровый образ жизни, там, бассейн, низкокалорийная пища, целительные кремы для кожи, специальные массажеры и приспособления по сжиганию жира, короче, весь набор средств для поддержания внешней и, как он любил выражаться, внутренней гигиены, имели свой зримый результат – в свои шестьдесят доктор Грубер был в великолепной форме.

– Где вы сейчас учитесь? – спросил он Германа, легонько барабанил по столу пальцами.

– В Нью-Йоркском Университете.

– Что ж, неплохо. Полагаю, уже имеете некоторый врачебный опыт, уже работали с больными?

– Да, два года проходил практику в амбулаторных клиниках в Гарлеме и Бронксе.

– И сколько же вам остается учиться?

– Это мой последний год учебы и моя последняя практика.

– Значит, вы уже без пяти минут доктор, – пошутил заведующий, взглянув на часы, висевшие над головой Германа. – Если не секрет, откуда вы родом?

– Из России, из Санкт-Петербурга.

– О, Сэйнт-Питэрбух, много слышал об этом городе. К сожалению, никогда там не бывал. Вы в России тоже работали в психиатрии?

– Нет, там я изучал философию.

При слове «философия» на лице заведующего промелькнуло нечто, похожее на удивление. Надо было и чем-то заполнить пустоту, о чем-то разговаривать с этим костлявым и, кажется, немножко нагловатым практикантом.

– Признаюсь, я в философии не силен. Правда, когда-то в юности пробовал читать Шопенгра-а... – он щелкнул пальцами, пытаясь припомнить имя немецкого философа. – Ну, наконец-то! Мы вас уже заждались! – воскликнул он, когда дверь отворилась. – Разрешите, Генри, представить вам миссис Сандру Уилсон. Она будет вашим супервайзером в течение года.

Герман поднялся и шагнул навстречу и протянул руку вошедшей женщине – невысокой, в белом врачебном халате. На вид ей было около пятидесяти лет.

– Сандра – психотерапевт с многолетним стажем. Не сомневаюсь, что вы с ней сработаетесь и наберетесь у нее ценного опыта, – сказал заведующий.

– Конечно, сработаемся. Да, Гарри?

– Да, – ответил он, уже достаточно раздраженный тем, что за последние пятнадцать минут его имя потрепали в полной мере, но ни разу правильно не произнесли.

– Жду вас, Гарри, завтра в своем кабинете в девять, нет, лучше в десять утра. О`кей?

– Желаю удачи. Если возникнут какие-либо вопросы, жалобы, – мой кабинет для вас всегда открыт, – сказал Ричард Грубер и, не переставая улыбаться, вежливо указал Герману на дверь: мол, все вопросы решены, и делать мистеру студенту в кабинете заведующего уже абсолютно нечего. Тем более, что до ланча оставалось ровно пять минут».

* * *

Будь я писателем, имей литературный талант, то, пожалуй, так бы начал описание событий, сыгравших поистине роковую (в данном случае не побоюсь пафоса) роль в моей жизни.

Но мои литературные способности весьма заурядны. По образованию я – философ, когда-то окончил факультет философии в Питерском университете. Поступил в аспирантуру. Но, разочаровавшись в философии, оставил незаконченной диссертацию и бросил аспирантуру. Не знал, что делать дальше. С женитьбой у меня тоже как-то не складывалось.

И вдруг – выиграл в лотерею гринкарту! Практически не раздумывая, сложил вещи и уехал в Штаты.

Очутившись в Нью-Йорке, решал, какую же специальность себе выбрать. Остановил свой выбор на психотерапии.

Вот, собственно, короткая предыстория моего появления в кабинете Ричарда Грубера – заведующего амбулаторной психиатрической клиникой одного госпиталя в Бруклине.

Глава 2

Для начала Сандра предложила мне ознакомиться с другими психиатрическими отделениями. Помимо амбулаторной клиники, в госпитале имелось отделение «Психиатрической скорой помощи» и психбольница, которую сами больные шутливо называли «ку-ку хауз»*.

По словам Сандры, любому психотерапевту полезно знать, так сказать, кругообращение пациента: из «скорой» – в дурдом, а потом – и в амбулаторную клинику. К тому же Сандра уходила в отпуск, и она не хотела, чтобы в ее отсутствие я болтался без дела. Поэтому вначале я отправился в отделение «Психиатрической скорой».

Больных туда, как правило, доставляют в машинах «скорой», и нередко – в сопровождении полиции. Не всё там так ужасно, не всё. Некоторые пациенты ведут себя тихо, смиренно: лежат на кроватях или сидят в креслах в ожидании, когда их вызовет дежурный врач и решит, куда им направляться дальше.

Изредка попавших в «Психиатрическую скорую», после осмотра дежурного врача, отпускают на все четыре стороны.

Случается, что туда приходят и добровольно. Помню одного такого – добровольца. Чернокожий парень атлетического телосложения пришел и признался, что его неприязнь к бывшему мужу его нынешней подруги достигла критической отметки. Желание убить превратилось для него в идею-фикс. Он легко может раздобыть пистолет. Но не хочет из-за «того придурка» садиться в тюрьму. Попросил у врачей успокоительных таблеток и чтобы его на время «закрыли».

Желваки вздувались на его скуластом, небритом лице. Меня же поразили тон его голоса – ровный, почти ледяной, и очень медленный темп речи...

А еще пришел, помню, тихий такой пуэрториканец лет шестидесяти. Сказал, что хочет покончить с собой, что больше не может справляться с навалившимися жизненными проблемами: постоянными увольнениями, болезнями, одиночеством. День и ночь видит перед глазами Бруклинский мост и себя, перелезающего через высокие перила. Говорил спокойно, не переставая виновато улыбаться...

Но преобладающее большинство пациентов в «Психиатрическую скорую» все же доставляют в состоянии тяжелого бреда, с галлюцинациями. Удары головой о стены, вопли, попытки схватить со стола ручки и карандаши, ошибочно принятые за ножи, вмешательство госпитальной полиции с наручниками, шприцы в руках медсестер – всё это будни «Психиатрической скорой», рутина...

Провел я некоторое время и в психбольнице – «ку-ку хауз», куда пациентов, уже облаченных в больничные халаты, переводят из «Психиатрической скорой».

Психбольница – место не самое привлекательное во всех отношениях. Все окна там затянуты металлическими сетками, доступ к лифтам преграждают стальные раздвижные решетки на замках. У палат с «буйными» сидят санитары.

Жесточайший внутренний режим. Объявления в динамиках строгим голосом: всем идти на обед или к окошку за лекарствами. Больные накачаны психотропными лекарствами, не произнося ни слова, медленно передвигаются по коридорам, шаркая тапочками.

Почти все они, невзирая на свое состояние, хотят одного: поскорее оттуда вырваться.

Меня представили некоторым пациентам, сказав им, что я – студент, прохожу в госпитале интернатуру. Оставшись со мной тет-а-тет, больные тут же начинали доказывать, что они абсолютно здоровы, уже вылечились, и упрашивали, чтобы я их выписал. Я пытался растолковать, что выписка – не в моей компетенции, что я простой практикант. Но они либо не понимали, либо не верили, что говорю правду. Как только до них доходило, что я действительно не могу их выписать, они тут же теряли ко мне интерес.

Только самые смекалистые из них быстро понимали, что выписка-освобождение из больницы напрямую зависит от выполнения трех золотых правил: не надо ничего требовать, нельзя ни на что и ни на кого жаловаться, а самое главное – нужно без разговоров принимать все лекарства.

Однако усвоить эти три золотых правила могли далеко не все и не сразу. Труднее всего доставалось «борцам за права человека», тем, кто жаловался на невкусную еду, несносное поведение соседа по палате или грубое обращение кого-то из персонала. Таковым приходилось в дурдоме несколько задержаться...

– Очень хорошо, Герман, что вы теперь имеете представление о всех психиатрических отделениях госпиталя, – сказала Сандра, когда ее отлучка, вызванная отпуском, и мой ознакомительный тур были завершены. – Не исключено, что некоторым вашим пациентам скоро придется побывать и в тех отделениях тоже.

* * *

Затем мне стали давать пациентов, с различными психиатрическими диагнозами.

Кстати говоря, все диагнозы им были поставлены в соответствии с «Руководством по психиатрической диагностике». Этим пособием пользуются все американские психиатры и психотерапевты. В этой толстой и, надо сказать, очень дорогой книге изложены практически все известные на сегодняшний день психиатрические нарушения.

Настоятельно НЕ рекомендую покупать и читать это пособие! Человек психически здоровый, но мнительный, с воображением, открыв эту книгу, ужаснется, обнаружив в себе черты маньяка, заболевшего вследствие посттравматического нарушения, еще и с каким-то жутким отклонением в деперсонализацию членов тела. А при большом упорстве можно довести дело «до победного конца» и очутиться на приеме у психиатра.

Подобный «синдром студента первого курса» легко излечим. Хороший психиатр, случись ему иметь дело с подобным «больным», посоветует ему успокоиться, некоторое время не читать никаких книг по психиатрии, а

вместо этого лучше сходить в фитнес-клуб или бар, выпить пивка. И Вы – абсолютно здоровы!

Мое нечаянное отклонение от темы заводит меня еще дальше, и я припоминаю своих милых однокурсников, будущих психотерапевтов. Некоторые из них, особенно девушки, и вправду очень близко к сердцу принимали всё, изложенное в той толстой книге, и «примеряли» к себе психиатрические диагнозы. В результате, находили у себя какую-нибудь психиатрическую болезнь, если не в хронической стадии, то очень опасные симптомы таковой. Докучали преподавателям вопросами, не следует ли им обратиться за помощью к специалистам?

Однако были среди студентов и такие, кто не нуждался ни в каких советах. Напротив, сами могли бы посоветовать любому, в каком баре можно хорошо оттянуться, где в ассортименте всегда свежий холодный эль, а где вкусные суши и сашими.

Помню, на одном семинаре, я в паре со знойной Вероникой отрабатывал тему «Диагностика во время первого визита пациента». Мы играли роли: я – врача, она – пациентки. Как и положено психотерапевту, я проникновенным голосом спросил Веронику, какие проблемы в своей жизни она считает сегодня наиболее серьезными.

Вероника никогда не надевала лифчик на эти вечерние классы. У нее были потрясающие налитые груди, на смуглой шее блестела золотая цепочка. После занятий, которые заканчивались в четверть десятого, она всегда очень спешила куда-то, не думаю, что в библиотеку.

Облизнув губы в густом слое помады, Вероника простонала: «Вы спрашиваете, какие у меня проблемы? О, доктор, вы себе не представляете, как я хочу еб...я!...»

ИВАН И ЕГО ПАЛАЧ

Глава 1

Одним из первых мне назначили пациента по имени Иван. На протяжении года мне довелось работать со многими больными, но Иван запомнился больше других.

Вот что было написано в его медицинской карте: «Иван Н. – русский, пятидесяти трех лет. Родом из Курска. В прошлом – хирург. В настоящее время работает на стройке. Холост, детей нет. После полученных многочисленных травм страдает болями в плечевых и коленных суставах. В нескольких судах Нью-Йорка имеет открытые дела по своим искам, в

которых обвиняет фирмы и организации в причинении ущерба его здоровью. Два года назад неделю лежал в психбольнице».

Он был худощав, ростом чуть выше среднего. Что еще?.. Как описать Ивана? – не фольклорного Ивана Царевича, а эдакого пьяненького завсегдадая русского уличного балагана? Лица таких людей невыразительны и тусклы: рот, нос да глаза. Ни даже бородавки, ни шрама для разнообразия. Скукотища.

Поначалу Иван и вправду казался мне нуднейшим типом. Я изнывал от смертельной скуки на всех наших 45-минутных психотерапевтических сессиях. Главным тогда было для меня не уснуть и не свалиться с кресла. Поэтому большое внимание я уделял своей позе: наваливался всем корпусом на правый подлокотник кресла и вытягивал ноги вперед. А когда чувствовал, что под бормотание Ивана начинаю засыпать, то, спохватившись, менял позу – перемещал корпус на левый подлокотник.

Слушая Ивана все 45-ть минут, я методично кивал, глядя то на его невзрачное лицо, то на круглые настенные часы над его головой. Он напоминал мне биоробота: приходил на сессии с немецкой пунктуальностью и с такой же пунктуальностью ровно через сорок пять минут вставал, надевал свой старенький пиджак и, одарив меня на прощанье механическим рукопожатием, уходил. Он попивал водку, поэтому частенько его глаза были мутны.

Иван страдал депрессией и психосоматическим нарушением. Подскажу, что понимать под «психосоматическим нарушением»: наличие у человека телесной боли по неизвестной причине или при недоказанности существования этой боли, как таковой. Иными словами, человек жалуется, скажем, на боль в бедре. Врачи проводят исследование, делают рентгены. Но понять не могут, почему болит. А пациент кричит и плачет: болит, и все! И, поди пойми, то ли у него в самом деле болит, то ли ему это кажется, то ли он попросту врет. Психиатрическим же нарушением это становится тогда, когда у человека какая-нибудь часть тела обязательно, да болит. С бедром вот потихоньку стало улучшаться, уже полегче, можно нормально ходить, даже бегать. Как вдруг, ни с того ни с сего – острая боль пронзает плечо! Вот те раз... И все начинается по-новой: визиты к врачам, рентгены... Такова вкратце характеристика нарушения, которым страдал Иван.

С первых дней наше общее внимание было приковано к его правому колену. По словам Ивана, он получил несколько тяжелых травм, работая на стройках: то упал со стремянки, то на него обрушилась гора шлакоблоков, то еще что-тостряслось. И удары якобы часто приходились именно по правому колену. Иван в прошлом – хирург, досконально знал анатомию человеческого тела и обладал феноменальной памятью.

– Врачи считали, что у меня поврежден медиальный надмыщелок. Но рентген показал ушиб головки малоберцовой кости, – говорил он сипловатым голосом, порою касаясь рукой своего колена.

Интересно, что больное колено было единственной темой, вызывавшей у Ивана какие-либо эмоции. Обо всем остальном – о своем прошлом хирурга, оставленной России, об Америке, о родных, даже о себе самом Иван говорил с безразличием и отстраненностью, как о предмете мало или вовсе ничего для него не значащем. Зато колено – вот где зарыта собака всех его жизненных проблем! В общем, на сессиях мы с Иваном говорили о третьем – о его колене.

В сознании Ивана оно не просто болело. Когда он стал мне больше доверять и уже не боялся, что посчитаю его сумасшедшим (Иван считал себя психически абсолютно здоровым), он познакомил меня с другими свойствами своего колена.

– Вы слышите, слышите? – настороженно спрашивал он, вставая с кресла и делая по кабинету несколько шагов. – Слышите, как оно хрустит? Хр-р, хр-р, слышите?

Причем «хр-р» он произносил нараспев, и я подозревал, что ему слышится не просто хруст, а хруст мелодичный, колоратурный.

– Всё, вроде бы замолчало, – он останавливался, напрягая слух. Затем делал осторожный шагок и снова замирал. – Нет, хрустит, хрустит...

«Значит так: нужно стабилизировать его сон и аппетит. Попытаться перефокусировать интересы больного на другие объекты, помимо правого колена», – намечал я линию его лечения.

Разумеется, Иван обратился в психиатрическую клинику не для того, чтобы его убедили в том, что колено у него вовсе не болит или же болит не так сильно, как ему это кажется. Отнюдь нет. Причина у него была конкретная: Ивану были нужны письма в суды, что, дескать, вследствие полученных на стройках травм, он страдает тяжелой депрессией.

И тут мы вместе с Иваном спускаемся с первой, самой верхней, ступеньки и, поскольку у него больное колено, под хр-хрусты, переползаем на ступеньку ниже, где Иван приоткрывается нам не просто как безобидный городской сумасшедший, а как социально опасный тип.

* * *

Сандра. Несколько слов о ней.

Она была весьма милостива, обаятельна и умна. Жила в Лонг-Айленде, имела взрослую дочь, пасынка и второй раз была замужем.

Раз в неделю в своем кабинете она выслушивала мои отчеты о проведенных сессиях, и мы вместе разбирали дела больных.

– ... Не знаю почему, но ваш Иван вызывает у меня серьезное беспокойство. Во-первых, он принадлежит к так называемой группе риска: одинокий белый мужчина, в возрасте старше пятидесяти, злоупотребляет алкоголем. Два года назад почему-то лежал в психбольнице. Добавьте к этому историю с его родным братом, который, если не ошибаюсь, застрелился.

– Да, миссис Сандра, вы правы. По словам Ивана, его брат был боевым офицером, воевал в Афганистане и был там контужен. Вернувшись домой, начал пить и застрелился, не исключено, что в состоянии белой горячки.

Она на миг закрыла глаза:

– Что-то с вашим Иваном не так. Как бы он, следом за своим братом, не вздумал покончить с собой. Не забывайте: суицидность имеет наследственные корни! Интуиция мне подсказывает, что с Иваном нужно работать очень осторожно.

– О`кей, доктор, буду осторожно. Но смею все-таки возразить, что Иван – совершенно холодный человек, я бы, скорее, отнес его к классу земноводных, он что-то вроде ящерицы или тритона. Чтобы покончить с собой, нужны сильные эмоции, страсти, идеи. Иван же, извините, ни рыба ни мясо. Ему от нас нужны только письма для адвокатов. Знаете, сколько у него дел в городских судах? Пять! – я поднял руку с растопыренными пальцами и, перечисляя, загибал каждый палец. – Два дела по травмам на стройках: он обвиняет строительные фирмы, где работал, в несоблюдении ими мер безопасности. Далее: дело по автомобильной аварии – не сомневаюсь, что эта авария была подстроена. Еще иск против городских властей – за то, что он упал на эскалаторе в метро, наверняка тогда был пьян. И одно дело против супермаркета: он купил там несвежий йогурт и отравился им, что якобы впоследствии привело к удалению аппендицита. Он – сутяга и симулянт, вот кто он. Такой тип никогда не покончит с собой, скорее, сам любого в могилу уложит! – закончил я свою трибунную речь с некоторым раздражением в голосе, потому что мое мнение, как психотерапевта, совершенно не берут в расчет.

Сандра удалила от себя ладони так, чтобы свет лучше падал на ее ногти с новым маникюром:

– Может, вы и правы, Герман. Но знаете, когда-то у меня был пациент, тоже совершенно лишенный каких бы то ни было эмоций, из класса земноводных, как вы изволили выразиться. Я с ним работала больше года. Когда на одной сессии нам наконец удалось расколоть его душевный лед и проникнуть в его тайну, он сорвался вот с этого самого кресла, на котором вы сейчас сидите, и едва не задушил меня, – Сандра поднесла руки к своему горлу, изображая,

как ее пытались задушить. – Все-таки, Герман, поинтересуйтесь у Ивана подробностями гибели его брата.

* * *

– Послушайте, мистер Иван, перестаньте валять дурака! Вы попадаете в автомобильные аварии, падаете с лестниц, на вас валятся шлакоблоки, у вас ломаются кости, рвутся сухожилия, и вы ни разу не задумались, почему это с вами происходит? Вы не видите в этом ничего особенного, из ряда вон выходящего? Ну, хорошо, человек может попасть в автокатастрофу, получить травму на работе, согласен, в жизни всякое случается. Положим, после первого несчастного случая человек не будет глубоко задумываться о несправедливостях судьбы, после второго случая – обычно возникают вопросы. А ведь у вас, Иван, несчастные случаи происходят едва ли не каждый месяц. И вы ни разу не спросили себя или Бога – почему? Не знаю, читали ли вы Библию, знаменитую Книгу Иова, где праведный Иов после каждого удара взывал к Небу со стонами и воплями. Но вы, вы?! Неужели вам ни разу не захотелось возроптать на такую чудовищную несправедливость?

– Нет. Я по натуре – реалист. Случилось – значит, случилось, и нечего тут философию разводить, – сухо отвечал Иван.

– О`кей, вам плевать на философию, в Бога вы тоже, судя по всему, не верите. Но тогда ответьте: вы что же, и вправду уверены, что вам обязаны за всё выплачивать денежные компенсации? Допустим, человек получил травму и утратил работоспособность. Да, какое-то время, пока не восстановится, он нуждается в денежной помощи. Но вы, как следует из ваших же слов, ни на одной работе в Америке не задерживались больше полугода: получали очередную травму и сразу бежали к адвокату. Смотрите, что происходит: вы купили в супермаркете испорченный йогурт, от которого, как вы уверяете, у вас случился сильный понос. О`кей, бывает. И вы, бывший хирург, делавший когда-то сложнейшие операции на открытой брюшной полости, испугались поноса и побежали в госпиталь, где этот ваш визит зарегистрировали. Потом, через месяц, у вас воспаляется аппендикс. Вам делают легкую операцию по его удалению, и после этого вы подаете судебный иск на супермаркет, доказывая, что якобы из-за того отравления йогуртом у вас воспалился аппендикс. Супермаркет, чтобы не доводить дело до судебного разбирательства, выплачивает вам пять тысяч долларов! Трудно поверить! При этом вы считаете себя невинной жертвой... Хронический сутяга, вот вы кто, – мрачно заключил я.

Иван нахмурился, по его лицу пробежала тень растерянности, даже испуга.

– Вы что, хотите, чтобы я больше к вам не приходил? – спросил он дрогнувшим голосом. Он весь как-то ужаснулся в кресле; глаза, мутноватые с перепоя, забегали. В его лице промелькнуло что-то от ребенка, бедного, всеми покинутого, никому не нужного.

– Нет, я вовсе не хочу этого. В некотором роде, я вам даже сочувствую, – буркнул я. – Но понимаете, то, что вы делаете... не могу этого оправдать. Вы что, действительно уверены в своем праве на эти деньги? Вы и вправду считаете, что один ваш понос стоит пять тысяч долларов?

И тут лицо Ивана, в который раз за эту сессию, преображается. Вернее, лицо остается неподвижным, только слегка раскрывается рот, и губы кривит такая тихая, такая странная улыбочка...

– Да. Я уверен, что поступаю правильно. Да, мне все должны, – его глаза немного оживают и смотрят то ли на меня, то ли сквозь меня, и видят...

Что они видят, эти мутные, с перепоя, холодные глаза тритона, этой застывшей на песке ящерицы? От его улыбки холодок пробегает по моей спине. В этот миг я почему-то не сомневаюсь, что Иван способен убить. И убьет, убьет с этой холодной, кривой улыбочкой...

«Настоящий социопат, которому неведомы ни законы морали, ни любви». Невольно я отталкиваюсь ногами от пола, и мое кресло на колесиках откатывается подальше от этого типа.

– Вы просили меня подготовить письмо для вашего адвоката. Вот, пожалуйста, – протягиваю ему конверт с госпитальным логотипом.

Иван берет конверт, кладет его во внутренний карман своего старого пиджака:

– Спасибо, доктор.

Смотрит на часы и, видя, что уже прошло сорок три минуты, начинает собираться.

Я сижу молча. Ради чего этот Иван покинул Россию, оставив там мать, родных, работу хирурга, и уже десять лет болтается в Нью-Йорке, как клочок смятой бумажки, носимый ветром по стройкам, судам и госпиталям?

Несерьезный, бездушный человек, – мысленно ставлю ему окончательный диагноз, пожимая на прощанье его холодную руку.

Прости, Иван, прости мое верхоглядство.

Глава 2

...Снова кончик моей ручки крутится вокруг загадочного слова: л ю б о в ь. Почему, непонятно, любовь, подобно локомотиву, тянет за собой весь бутафорский антураж – соловьев, розы, шампанское во льду, всякие там слезы, ножи в сердце? Кто тому виной? Бульварные романы? Кино?

Мне припоминается история молоденькой пациентки. От девушки ушел бойфренд. Чтобы его вернуть, она позвонила ему и сказала, что включила газ, все четыре конфорки: «Прощай, любимый, прощай навеки!» Но бойфренд был решительно настроен на разрыв. Вместо того, чтобы ринуться подругу спасать, позвонил в «911» и сообщил, что такая-то по такому-то адресу собирается покончить с собой, уже включила газ...

Попав в психбольницу, девушка больше всего возмущалась «чудовищной подлостью» своего бывшего ухажера. Да, спору нет, поступил он не поджентельменски. Во всяком случае, драма, красиво начатая, должна была так же, красиво, и закончиться: слезами, пусть даже пощечинами. Но уж никак не психбольницей, где бедняжку заставляли принимать таблетки и продержали под наблюдением целую неделю (на свою беду, газ для правдоподобия она действительно включила, рассчитывая, что после телефонного разговора ушедший любовник моментально к ней примчится). Но даже в этой трагикомической истории есть свой пафос – рыдания, угрозы покончить с собой, прибывшие пожарные и санитары, надевающие на лицо насмерть перепуганной девушке кислородную маску...

Но что сказать о «любви без шума», о любви тихой, мрачной, живущей в больной душе и, подобно раковой опухоли, пустившей обширные метастазы? Что сказать о любви не голливудской и не королевской, а о любви безвестного, никому ненужного Ивана, прозябающего на стройках Бруклина? Кто замолвит словечко за него?

* * *

Нью-Йорк догорал в осеннем багрянце. Я парковал машину и брел к госпиталю в толчее вечно спешащих прохожих.

Не переставал думать об Иване. Я чувствовал, что стою на пороге какой-то его страшной тайны, пытаюсь туда проникнуть, спуститься вместе с ним на ступеньку ниже, но он, как фокусник-иллюзионист, водит меня вокруг да около, сохраняя при этом безразличное лицо.

Меня мучили вопросы, десятки «почему». Чем объяснить странность его поведения? Да, бесспорно, он сутяга, пытается получить деньги обманным путем, полагая, что имеет на это моральное право.

Но, если смотреть с этой точки зрения, то, наверное, четверть населения США ведет себя подобным образом. Судятся за случайно пролитый на штаны горячий кофе, за тараканов в отеле, за похлопывание по плечу на работе (сексуальные домогательства). Благо, неусыпная свора адвокатов всегда к услугам таких псевдожертв.

Но в случае с Иваном дело обстоит сложнее. Хотя бы потому, что он действительно получает увечья. Я не раз обращал внимание на синяки, порезы на его руках и на лице, на потемневшие от ударов ногти. На мои вопросы он отвечал: «Случайно ударил по пальцу молотком» или «Порезался, когда брился». Но почему так часто? Был пьян? С похмелья? Иван хоть и любил выпить, но алкоголиком не был, поэтому трудно допустить, что виной всему только алкоголь. Однажды, обнажившись до пояса, он показал мне толстые рубцы на плечах. В его медицинской карте значились многочисленные переломы и ушибы.

Он использовал свое тело, как средство добывания денег в буквальном смысле. Но, если хотел оттяпать деньги, то зачем же при этом так себя калечить? Зачем же ценой собственной крови?

Я не находил объяснения и его упорному уклонению от любых разговоров о Боге, вере, поиске смысла жизни, обо всём, что он презрительно называл «болтовней философов», не догадываясь, какие струны задевает в душе сидящего напротив выпускника философского факультета. Не хотел он делиться подробностями о гибели своего брата.

Я настоятельно советовал Ивану ходить в кино и музеи. Перед сном – совершать прогулки на свежем воздухе. Разумеется, не пить алкоголь и принимать выписанные лекарства. Я рассчитывал, что Иван – сам в прошлом врач – понимает всю важность этих средств для борьбы со своей депрессией, в которую я, честно признаться, уже совершенно не верил. Вернее, я, конечно, видел, что его лицо не светится счастьем, что он даже страдает, но страдает «не так, как положено депрессивным пациентам».

Вопросы, вопросы...

Глава 3

Все мои попытки вызвать Ивана на откровенность, все «эмоциональные провокации» ни к чему не приводили. Более того, я даже стал замечать, что чем сильнее напирал, тем глубже он замыкается в себе. Тем не менее, по какой-то не до конца для меня понятной причине Иван продолжал посещать сессии.

Каждый раз он заводил одну и ту же шарманку своего «музыкального колена».

Он проиграл судебную тяжбу по делу о травме, полученной на стройке. Был этим очень удручен – рассчитывал-то получить тысяч тридцать. Обвинял адвоката, судью и босса фирмы, будучи уверенным, что все они сговорились против него. Периодически я писал для него новые письма в адвокатские конторы. Иван утверждал, что против него повсюду плетутся заговоры.

В то же время, я видел, что он ни за что не хочет со мной расставаться. Словно что-то ему было от меня нужно, помимо писем. Всякий раз, стоило мне завести речь о «сомнительной пользе его лечения», в глазах Ивана вспыхивал такой ужас всеми покинутого ребенка, что мне становилось его жалко.

Да, я был единственным человеком, возможно, на Земле, кто при каждой встрече честно слушал его в течение 45-ти минут, пусть механически кивая головой, пусть борясь со сном и часто поглядывая на часы. Но все-таки БЫЛ с ним.

По совету Сандры, я прочел книгу английского психиатра Рональда Лэнга «Расколотое “Я”». В этой работе Лэнг предлагает следующую методику: не спорить с больным, ни в чем его не разубеждать, а пытаться ПРИНЯТЬ его таким, какой он есть, включая его навязчивый бред, иллюзии, страхи и пр. То есть, врач должен мысленно переместиться в мир больного, не теряя при этом связи с миром реальным.

И я «вошел в бред» Ивана, стал во всем с ним соглашаться.

Сработало! – На сессиях он уже не сидел чурбаном, монотонно твердя одно и то же. Голос его зазвучал тверже, с интонациями, в глазах появлялось выражение – то слабенькой грусти, то робкой радости. Во всяком случае, какие-то эмоции.

В минуты воодушевления, когда его губы искривляла улыбка, открывающая его черный рот, а в глазах на миг вспыхивал диковатый блеск, мне всякий раз становилось жутко, думалось: такому дай нож – и зарежет, не дрогнув...

Но я все равно продолжал «входить в его бред». Да, против него существует заговор. Да, он невинная жертва судей, врачей и адвокатов. Да, он имеет право на десятки тысяч долларов компенсации за полученные травмы. Да, его колено похрустывает, поскрипывает и даже посвистывает.

Между нами, наконец, возникло нечто, вроде взаимопонимания, он начал мне доверять. Мы постепенно соскальзывали и на другие темы – говорили о его прошлом, о его семье, о погибшем брате и обстоятельствах смерти последнего.

Иван почему-то становился напряженнее, на его лице возникало выражение затравленности, отчаяния. Вместе с ним мы входили в некую наэлектризованную зону страха...

* * *

– ...Я не хотел делать ту операцию. В хирургии, знаете, это не приветствуется, когда врач оперирует своих близких. В любую минуту может дрогнуть рука и... – на мгновение Иван умолк. Выражение его лица, однако,

оставалось спокойным, я бы сказал, отрешенным. – Но брат сам настоял на этом. И она тоже.

– Кто – «она»? – спросил я.

– Его жена.

– А чем он был болен?

– У него обнаружили язву желудка – нужно было срочно удалить часть желудка. Такая операция – не из самых простых, но и не архисложная. Я делал такие много раз. В те годы мы пользовались специальными зажимами, называли их «крокодилами» – ими пережимался весь желудок. Я установил этот зажим, но, как мне показалось, не совсем удачно. Нужно было поправить, но... Я на миг отвлекся, вспомнил почему-то про жену брата, сидящую в зале ожидания... Я был в сильном замешательстве. Медсестра подала мне пинцет, но я уронил его на пол. Меня бросило в пот так, что капли обильно потекли на глаза. Санитарка стала вытирать мне пот салфеткой, а ассистент спросил, все ли со мной в порядке. «Да, все в порядке». Я оставил все, как есть, и продолжал работать дальше.

Он надолго устремил глаза куда-то в окно.

– Этот «крокодил» соскочил. Началось массивное кровотечение. Ассистент пытался пережать сосуды, но зажим соскакивал. К тому же у пациента была плохая свертываемость крови. Положение становилось критическим. Я так и не смог остановить кровотечение. Смерть наступила через тридцать семь минут.

Лицо Ивана, закончившего свой рассказ, по-прежнему ничего не выражало. Это была гипсовая маска. Словно он только что поведал не о смерти родного брата под своей рукой, а о кладке кирпичей на стройке. У этого человека вместо сердца – кусок льда, – подумал я.

Иван поднялся, набросив на плечи пальто, пробормотал: «До свиданья» и, даже не пожав мне руки, ушел.

Я не был уверен, что он появится снова. Но через неделю, в назначенный день, он постучал в дверь моего кабинета...

* * *

Его брат – боевой офицер, воевал в Афганистане и был там контужен. Вернувшись с войны, вышел в отставку и открыл свою автомастерскую. Все у него складывалось отлично: деньги, молодая красивая жена, дочка. Одна была слабина – крепко любил приложиться к бутылке. И в пьяном угаре порой грозился «всех перестрелять, как душманов, а потом и с собой порешить». Но к случившемуся все это имеет косвенное отношение.

Брат был женат на женщине, которую тайно любил Иван. Личная жизнь Ивана из-за этой любви не сложилась: он имел связи с женщинами, но так никогда и не женился. Свояченица делала ему туманные авансы, которые усиливались по мере того, как ее жизнь с богатым и пьющим мужем становилась все хуже.

Потом у брата обнаружили опасную язву, и Иван – хирург областной больницы, согласился сделать операцию. Исход известен.

По этому поводу, как и полагается в таких случаях, в больнице прошла клинично-анатомическая конференция. За хирургом Иваном Н. профессиональной вины не признали. Зажим-«крокодил», соскочивший с желудка, – это может случиться у любого хирурга!

Не виноват Иван. Он должен успокоиться, пережить случившееся и работать дальше.

«Конечно, жалко. Конечно, трагедия. Родной брат! Эх, зря ты взялся за эту операцию, лучше бы делал кто-то другой. Держись, Иван...»

Но не держался Иван. Больше так никогда и не встал к операционному столу, не взял в руки скальпель. Не смог. Мучил страх новой ошибки. Оставил хирургию, жил, перебиваясь случайными подработками. И со свояченицей не сошелся. Она потом вышла замуж за другого...

Выиграв в лотерею гринкарту, собрал вещи и уехал в Штаты. Уехал навсегда. Мысль об убийстве! Вот что его терзает! Иван убедил себя в том, что умышленно не поправил тот злосчастный зажим. Да, пусть ему привиделось лицо свояченицы, сидящей во время операции в зале ожидания. Пусть даже припомнил в тот миг, как однажды имел с ней близость. Пусть завидовал брату и даже желал ему смерти. Пусть! Но действительной вины за ним нет. Есть только помрачение рассудка – поднялись роем темные мысли, потянули за собой всю душевную мусть. И нарушилось чувство реальности: принял Иван свои тайные темные мысли и желания за действительность.

Как же я мог обвинять Ивана? Разве у него бесчувственное сердце? Наоборот: сердце-то у него слишком ранимое, слишком мягкое для хирурга. Да и кто я такой, чтобы судить его? Способен ли я измерить всю глубину его страдания? Знаю ли, какими муками мучился он во время той операции? И чем, по сути, он с тех пор занимался, как не казнью самого себя? Падая с лестниц и эскалаторов, разбиваясь на стройках и в автомобильных авариях, ударяя себя молотком по пальцам, царапая бритвой во время бритья свое лицо, – не мстил ли себе Иван таким образом? Не выступал ли по отношению к себе жестоким судьей и палачом?..

Глава 4

Наши сессии теперь носили совершенно иной характер. Мы оставили весь его бред с коленом и заговорами. Что-то произошло, в душе Ивана сдвинулись какие-то глубокие пласты. Речь его лилась живее. Он много рассказывал о своей бывшей работе хирурга, о своей юности. В такие минуты изменялось и его чутьчку помолодевшее лицо: сквозь серое обличье одичавшего, ожесточившегося человека проступал иной Иван. Смутно я различал в нем некогда решительного, внимательного, наверное, слишком дотошного хирурга. Даже пальцы его оживились.

Вот так, думал я, – снял человек с души несуществующий грех, открылся. Порою в наших с ним беседах Иван пытался нагромождать несметное количество всяких деталей, наименований разных хирургических инструментов. Я же старался донести до его сознания очевидное и самое главное: не виновен он в смерти брата, зажим сорвался случайно. Такова реальность. Все остальное – самовнушение, быть может, тайные желания, ошибочно принятые им за действительность.

– Вам пришлось пережить болевой шок. Слишком чуткое у вас сердце, – уверял я, ожидая, когда же, наконец, Иван начнет верить моим словам. Он вроде бы согласно кивал головой, дакал.

* * *

Как-то раз по моей просьбе он принес свои фотографии.

– Это вы – возле дома со своим братом? Надо же, как похожи! А это вы где? В лаборатории мединститута? Что, крыс и лягушек там резали? – я перебирал фотоснимки. – А это, насколько я понимаю, в лесу, на пикнике. Кто эта чудная женщина с вами в обнимку, а? Признавайтесь.

Он не отзывался. Оторвавшись от фотографий, я посмотрел на Ивана. И обмер. Его глаза блестели набежавшими слезами. Нижняя челюсть судорожно тряслась, рот был раскрыт, как будто он хотел и не мог вдохнуть. И тут случилось то, чего я менее всего ожидал. Лицо Ивана исказилось в муке. Он схватился за голову и стал рвать на себе волосы, словно желая их вырвать:

– Дрянь! Дрянь! Дрянь! – то и дело вскрикивал он болезненно. – А-а!..

Будто вспышка яркого света ударила в окно, озарив для меня реальность. Неудачная операция не была трагической случайностью, нет! Иван сделал все, чтобы тот злосчастный зажим соскочил. Убил, убил ради женщины, с которой был в сговоре!

– Не надо, не надо... – я подошел к Ивану. Сильно, как мог, стиснул его напряженные, трясущиеся руки, прижал к своей груди. – Не надо... Перестань...

* * *

– Значит, Иван умышленно убил своего брата. По правде, я в этом не сомневалась, когда узнала, что именно он делал ему операцию. А если в деле еще и замешана женщина... – сказала Сандра, когда я ей рассказал о своей последней сессии с Иваном. – Но гарантирую: он ни за что тебе не признается в убийстве. Кажется, я хорошо понимаю, что это за человек. Не признается он ни тебе, Герман, и вообще никому на свете.

В ответ я развел руками: мол, не спорю, проживем – увидим.

– Что же ты теперь собираешься делать? Как думаешь его лечить?

– Хочу убедить его пойти в церковь. Мне кажется, что психотерапия тут уже бессильна.

– А Иван верующий?

– Нет.

Сандра задумчиво погладила пальцем подбородок:

– Церковь, молитва... Вера порой помогает лучше любых лекарств. Мне нужно над этим подумать. Время у нас есть, ситуация пока не критическая.

Глава 5

День выдался дождливым, было холодно и ветрено. Мы вышли с Иваном из метро и зашагали по улице, переступая лужи.

Иван шел, засунув руки в карманы клетчатого пальто. Накануне вечером, по его же собственному признанию, он выпил две рюмки водки (не полбутылки ли?), но как бы то ни было, к утру успел протрезветь.

Миновав бакалейный магазин и банк, мы очутились у невысокого здания под куполом с крестом. Из дверей церкви выходили мужчины и женщины разного возраста, некоторые с детьми. Раскрывали зонтики и, перекрестившись лицом к храму, уходили. Судя по всему, литургия только что закончилась.

– Ну, с Богом, – сказал я, перекрестившись. Открыл дверь церкви и пропустил Ивана вперед.

Пожав плечами, он вошел в храм. Там снял шапку и расстегнул пальто. В последнее время он плохо следил за собой, волосы его часто были взлохмачены, лицо небритым.

– Сейчас все разузнаю, подожди меня здесь, – сказал я и пошел искать священника.

По вероисповеданию я – православный, крестился в Питере, еще когда учился в университете. Приняв крещение, первое время сильно увлекался

всем, что относится к Православию: читал свято-отеческую литературу, ходил с приятелем на церковные службы. Но та наша религиозность, как теперь понимаю, носила какой-то искаженный, ущербный характер. Да, были желания, порывы. Много умничанья, разглагольствований, ожидания непонятных чудес. Не было главного: понимания, что вера – это постоянный подвиг смирения перед Волей Божьей.

Поэтому скоро пришло охлаждение. Нагрудный крестик я по-прежнему ношу, но человеком воцерковленным не стал и в церковь хожу редко.

Сейчас, однако, речь не обо мне. Иван тоже не был религиозным. Исповедовал, как он сам выражался, «твердую веру в законы природы». Но мое предложение пойти в церковь на молебен, как ни странно, принял сразу. После той сцены в моем кабинете, у него словно сломался внутренний стержень. Вся громоздкая жизненная конструкция Ивана – уродливого существа, в которого он превратился за последние десять лет, – рухнула. Весь бред о заговоре и болезнях, который так долго его спасал, исчез, но ничего нового взамен не появилось. Он совсем растерялся, не знал, как жить дальше. Больше не просил никаких писем для адвокатов, перестал интересоваться делами по своим бесконечным искам в судах. Он как будто целиком доверил свою судьбу мне.

Я же был уверен: единственное, что Ивану сейчас нужно, это – ПОКАЯНИЕ. Покаяние перед Богом, в которого, так или иначе, верит каждый. И этот наш совместный молебен пусть будет его первым шагом к свету. Иначе он впадет в еще большее отчаянье, продолжая себя калечить и разрушать.

Напрямую я не сказал Ивану об этом, но угадывал верно: он знает о том, что я проник в его тайну. Между нами словно возник негласный сговор. Только я и он (ах, да, еще прелестная свояченица в Курске) знали страшную правду смерти его брата.

Сандру я не поставил в известность об этом нашем «религиозном походе». Решил действовать самостоятельно, полагаясь на интуицию.

Итак, я уговорил Ивана пойти вместе со мной в русскую православную церковь. Заранее по телефону узнал, что в воскресенье после литургии там будет общая панихида, т. е. священник отслужит молебен сразу по нескольким усопшим.

Брат Ивана крещеным не был, поэтому поминать его по чину было нельзя. Если не подаешь поминальную записку, то никаких денег священнику платить не надо. Если подаешь – желательно заплатить долларов тридцать. Все это мне объяснил какой-то мужчина, стоявший возле церковного ларька, где продавали свечи.

Иван тем временем, как прилежный школьник, сидел на стуле у стены, положив на колени руки с разбитыми пальцами. Нечесанные патлы закрывали

его лоб. Когда наши глаза встретились, он вдруг как-то глупо заулыбался. Мне почудилось, что его лицо посветлело изнутри. Промелькнуло в нем нечто от того Ивана, которого я видел на фотографиях времен его молодости. Ах, как мало мы говорили о его жизни! Ведь бегал же он когда-то в юности за девчонками, мечтал о карьере врача. Может, любил слушать соловьев, говорят, в Курских лесах так поют соловьи, что, раз услышав, не забудешь вовек. Еще много, много чего мы должны с ним перевероршить, чтобы припал он к своим чистым ключам. Пусть человек оступись, пусть даже переступил черту. Но он не должен всю жизнь оставаться изгоем! Имеет право на прощение. Пусть не от людей, так от Бога.

Последние сомнения, верно ли я рассудил насчет молебна, покинули меня. ...В правом притворе храма на панихиду уже собирались прихожане. Худой, среднего роста, бородатый священник, с кадилом в руке, о чем-то разговаривал с женщиной возле Распятия. Я передал священнику поминальную записку с именами моих умерших бабушек, спросил его насчет оплаты.

– Хорошо, спасибо. А деньги заплатите после панихиды, – сказал священник. Я купил несколько свечек, одну дал Ивану:

– Панихида скоро начнется. Наше дело – просто стоять. Если хочешь – мысленно поминай своего брата. Поставь свечку за упокой его души. Собственно, это все. А потом, в клинике поговорим об этом дне. Тебя что-то смущает? – спросил я, заметив, что глаза Ивана стали подозрительно блуждать по сторонам, а на лице отразилась легкая тревога.

– Нет, все нормально, – ответил он.

Но когда Иван поднес свою свечу к огоньку моей, чтобы зажечь, я заметил, что его руки сильно дрожат. С перепоя? От страха?

Молебен еще не начался, и я, обойдя церковь, рассмотрел иконы и частички мощей в темно-ореховых ящиках-мощевиках. Храм благоухал хвоей, воском и ладаном. Эти запахи напомнили мне запахи леса под Питером, походы за грибами, Мельничный Ручей, где находилась наша дача. Ручей тот давно обмелел, затянулся илом и тиной, но там еще водились щуки и даже ондатры...

– Вы на панихиду? Так идите, уже началось, вы чё, не видите? – обратилась ко мне какая-то женщина в платке.

И от этого «чё» в Нью-Йорке так пахнуло Рассеей, с ее извечной простецкостью, нахрапистостью, широким размахом...

– Благосло-ови, Влады-ы-ко...

Мы стояли вместе с другими прихожанами, держа зажженные свечи. Звякала цепочка кадила в руке священника. Из кадилницы вылетали сизые облачка дыма и, поднимаясь к потолку, таяли медленно. Я стоял возле иконы

Серафима Саровского, обложенной сосновыми ветками. Сквозь запахи воска и ладана сильно веяло хвоей, аромат которой снова уносил меня в леса под Питером. Вспоминал своих бабушек, услышав, как священник произнес в списке имена: Мария и Ольга. Бабушка Оля погибла в блокаду, а бабушка Мура (так бабушку Машу называли в нашей семье) дожила до 81.

...В квартире у бабушки Муры, на подоконнике, в горшках росли калачики и помидоры. А в спальне, в углу, висела икона Николы Чудотворца, в серебряном, потемневшем от времени окладе. Когда я уходил из ее квартиры, бабушка всегда осеняла меня крестным знамением, – стояла в дверях, опираясь на палочку, седенькая, с морщинистыми щеками... Вспомнил я и ее могилу, крест за черной низкой оградой, которую мы подкрашивали каждой весной...

– Я пойду, ладно? – неожиданно промолвил Иван, прикоснувшись к моему локтю.

– Подожди, еще не закончилось.

– Мне надоело. Голова болит, – он виновато пожал плечами, мол, что поделать, так получилось.

– Господи-и Иисусе-е Христе, помяни-и рабо-ов Тво-о-их... – пел священник и снова читал по помянникам имена усопших.

Женщины вздыхали, крестились, вытирали слезы. Дымки вились над дрожащими огоньками свечей, в серебряных окладах и стеклах икон отражались сотни, тысячи, миллионы уходящих в вечность огоньков...

– Помяни ра-а-бов Тво-о-их... – тянул священник, все сильнее размахивая кадиллом. Кадильница выдыхала голубовато-сизые облачка, которые, расплываясь в очертаниях, поднимались все выше, выше, над красными лампадами, над образом Распятого, над хвоей, туда, к куполу...

– Ну, хорошо, иди. Увидимся во вторник, – сказал я, пожимая Ивану руку.

Посмотрел вслед ему, застегивающему на ходу пальто и уже напялившему на голову зимнюю шапку. Странная злость вдруг охватила меня. Захотелось... чего? Но по какому праву я пытаюсь быть чьим-то пастырем, требую, чтобы человек «спасался по моему рецепту»? В конце концов, почему я считаю, что Ивану вообще нужно раскаяние?

Я попытался не думать об Иване, решил дотянуть до конца. Правда, панихида тянулась до того томительно, так долго, что я даже пожалел, что не ушел вместе с ним. Если бы не мое обещание заплатить священнику тридцать долларов, ушел бы точно.

Молебен закончился. Выйдя из церкви, я направился к метро. Моросил дождь и дул промозглый ветер.

Неподалеку от входа в подземку стояли полицейская машина и «скорая помощь». Два копа, преграждая вход в метро, успокаивали собравшихся,

говорили, что скоро всех впустят внутрь, дескать, они понимают, что все спешат, но нужно подождать.

Холодок пробежал по моему сердцу.

– Отойдите в сторону! – велел полицейский собравшимся, ответив что-то по рации.

Все послушно отошли, только одна старушка не переставала громко возмущаться и не желала повиноваться стражам порядка. Копу пришлось отодвинуть непослушную бабушку, как кеглю.

По лестнице из подземки санитары вынесли на железных носилках Ивана. Он был завернут в серый брезент и связан тремя широкими ремнями. Иван мычал, мотая головой, дрыгал ногами, пытаясь вырваться из этой «смирительной рубашки». Все его лицо было в крови.

Санитары остановились перед машиной «скорой помощи». Отщелкнули ножки, и под носилками раздвинулась металлическая крестовина.

– Раз-два-три!

Носилки въехали в фургон. Замигали огни на кабине, завизжала сирена...

* * *

Он бросился с платформы под подъезжающий поезд. К счастью, машинист, выводя состав из тоннеля, успел затормозить. Иван упал в углубление между рельсами, где валяется мусор и по лужам машинного масла бегают крысы.

Как я узнал позже, Ивана увезли в психиатрическое отделение госпиталя «Святого Луки». Доподлинно так и не установили, что это: попытка суицида или несчастный случай? Согласно записи дежурного врача, Иван отрицал попытку суицида, уверяя, что поскользнулся на платформе. Как свидетельствует та же запись, он находился «в состоянии очень сильной аффектации». Токсикологический анализ показал наличие алкоголя в его организме.

Я, конечно, не сомневался в том, что Иван пытался покончить с собой. Не нашел в себе силы, чтобы выдержать ужас, открывшийся ему во время молебна, когда в тех дымах и тенях заглянул на миг в свою душу.

Вспомнилось, что два года назад, неизвестно при каких обстоятельствах, он тоже попал в «ку-ку хауз» одного нью-йоркского госпиталя и пролежал там неделю. Может, он и тогда попытался, но не смог покаяться?..

Глава 6

Иван лежал в психбольнице, а я, мучимый угрызениями совести, готовился к ответу.

Пациент пытался покончить с собой! Шутка ли? Даже если не удалось доподлинно установить причину произошедшего, дело должно быть рассмотрено на рабочем совещании медперсонала клиники.

В следующий четверг мне предстояло выступить перед коллегами, представить им дело Ивана.

Никто в клинике не знал о нашем с ним посещении церкви.

Всю неделю меня раздирали сомнения: следует ли чистосердечно во всем признаться и «раскаяться» в своеволии, которое едва не привело к гибели больного?

Но ведь тогда – страшно подумать! – какими последствиями это может обернуться для меня: поставят низкую оценку или вовсе не зачтут интернатуру! Отправят депешу в институт декану! Сообщат в Совет психотерапевтов штата!..

Рой страхов витал над моей душой. Несколько раз я был близок к тому, чтобы навестить Ивана в госпитале «Святого Луки». Формально я был его лечащим психотерапевтом, меня бы к нему впустили.

Хорошо, приду, – рассуждал я. И что? – Попрошу его, чтобы он «не проболтался»? Чтобы хранил эту тайну? Чтобы не топил меня?

Что же получается? Иван едва не свел счеты с жизнью, трудно представить, что сейчас творится в его душе. И тут я – приползу к нему на коленях в палату и стану жалобно просить, чтобы он не губил мою карьеру?..

А не вложу ли я тем самым в руки Ивана оружие, которым он сможет потом мне отомстить? Начнет меня шантажировать? Или, проконсультировавшись со своим адвокатом, подаст на меня в суд? Ведь он же теперь с новой силой возненавидит и себя, и весь мир.

Одним словом, я чувствовал себя преступником, скрывающим от всех свое преступление и связанным с Иваном узами тайного сговора. Но в этот раз жертвой был он, а я получался как бы преступником, толкнувшим его на рельсы.

После колебаний, я все же решил о молебне никому не говорить и к Ивану в психбольницу не ехать. Будь что будет.

Виду, что волнуюсь, старался не подавать. В разговорах с Сандрой держался, пожалуй, слишком непринужденно, почти развязно. Она внимательно читала мои отчеты о сессиях с Иваном, задавала мне вопросы, подготавливая к предстоящему совещанию. Профессиональное чутье подсказывало ей, что в этой истории с попыткой суицида «не хватает какого-то важного кусочка», но про молебен не знала и она.

За день до совещания Сандра сообщила мне пренеприятнейшую новость: Ивана завтра выписывают из госпиталя «Святого Луки» и направят обратно к нам – продолжать амбулаторное лечение!

– Он придет завтра. А-а...

Всю ночь накануне совещания я не спал. Ворочался, смотрел телевизор. Под утро, наконец, начал впадать в дрему, перебиваемую кошмарами: видел Ивана в образе палача, с топором в руках...

Глава 7

Конечно же, трагедия. Что может быть страшнее – самому оборвать нить и уйти во мрак, на веки вечные?

Официального названия не существует, но можно ввести его самому – суицидология. Или суицидоведение. Кому как нравится.

Вопрос этот слишком серьезен, думаю, на нем стоит остановиться.

В институте, где я учился, этот предмет назывался «Суицид и его предотвращение». Мы изучали различные симптомы в состоянии и поведении людей, замысляющих покончить с собой. Узнавали, какие категории лиц в Америке входят в так называемую группу риска. Разбирали мотивы: вызвана ли суицидная попытка желанием привлечь к себе внимание, или же человек действительно намерен совершить **это**.

На эту тему написано невероятное количество книг, ведутся многочисленные исследования, опубликованы свидетельства очевидцев и даже тех, кто по-настоящему пытался, но чудом уцелел. Все одинаково признаются в том, что в последнюю секунду (когда уже летели вниз головой с моста или нажимали курок пистолета) к ним приходило прозрение и понимание того, ЧТО они совершили. Тонны, тонны литературы...

Но сейчас попытаемся разобраться: что происходит не в душе человека, а в СИСТЕМЕ американской медицины, когда речь идет о суицидном ПАЦИЕНТЕ?

Все боятся. Страшно. Очень страшно. А вдруг пациент не только замыслит, но и совершит это?! Какие тогда будут последствия для психотерапевта?

Казалось бы, как знать, что взбредет больному в голову через пять минут после того, как тот покинул врачебный кабинет? Кого он встретит? Куда пойдет? Что решит предпринять?

Но все не так просто. Медик все-таки отвечает. Отвечает в том случае, если проигнорировал **явный** умысел больного уйти из жизни. Повторяю, речь идет о явных сигналах суицида. Скажем, пациент признался врачу, что сегодня собирается застрелиться и уже купил пистолет. Или написал предсмертную записку.

Однако грань между явными сигналами и неявными порой размыта. Найдутся родственники, друзья, а то и сам пациент, если выживет, – которые заявят, что врач, дескать, отпустил человека в ужасном состоянии,

вот и случилась беда. Подключатся адвокаты. Начнутся неприятные разборательства.

Лично я ни разу не сталкивался и ни от кого не слышал, чтобы психотерапевт потерял лицензию из-за суицида пациента. Но **теоретически** такое возможно.

Поэтому не мудрено, что американские врачи проявляют крайнюю осторожность, предпочитая лишний раз перестраховаться, чем рисковать своей лицензией, должностью, карьерой. Заподозрив что-либо, спешат вызвать «скорую», чтобы пациента отвезли в ближайший госпиталь. «Пусть там разбираются и отвечают за последствия. Моя спина прикрыта».

Приведу пример, подтверждающий, насколько вопрос суицида в американской системе медицины серьезен, до абсурда.

Когда я проходил практику в клинике в Гарлеме, неожиданно всплыло дело одного пациента, который посетил эту клинику в первый и последний раз аж... два года назад. Парня зарегистрировали и назначили день, когда он должен был явиться к врачу.

Никаких опасных симптомов за ним не замечалось: бритвы при себе не имел, пистолета тоже, а в зале, пока ему оформляли бумаги, его ждала веселая подружка. На первый взгляд, у него не было серьезного психиатрического нарушения – жаловался на бессонницу и упадок сил. На прием к врачу он так никогда и не пришел. А два года спустя покончил с собой – застрелился на крыше дома.

Эта клиника в Гарлеме входила в состав городского госпиталя. И когда мертвого, с простреленной головой, привезли в морг этого госпиталя, электронная система показала, что самоубийца был в клинике зарегистрирован. Значит, когда-то числился в пациентах!

Машина сразу пришла в движение: в архивах нашли тоненькую папку с делом; из главного офиса приехало высокое начальство и адвокат. Пригласили работника, который два года назад оформлял парню прием и давно позабыл, как тот выглядел. Три долгих заседания! – посвятили выяснению, нет ли за персоналом какой-либо вины, нельзя ли к чему-либо придаться. Опасались, что родители самоубийцы – их чувства понятны – подадут на госпиталь в суд...

А еще существуют пациенты – так называемые, хронические суицидники. Они бесконечно ходят по врачевным кабинетам и держат врачей в напряжении: «Да, доктор, я испытываю желание покончить с собой. Но сделаю это не сегодня. Сегодня точно буду жить. А вот завтра... Пока не знаю, завтра, может, и покончу. А, может, и нет...» Вот и решай, доктор.

Порой такие хроники глотают таблетки в рискованных дозах, режут себе вены. И тут же сами звонят в «911».

Больные люди, конечно.

Но некоторые и вправду периодически испытывают сильные суицидные желания и не уверены, что сумеют с этими желаниями справиться. Приходят в «Психиатрическую скорую», просят, чтобы их на время «закрыли».

...В случае же с Иваном дело обстояло иначе. Иван не искал внимания окружающих. Никого не шантажировал угрозами уйти из жизни. Не обращался в «Психиатрическую скорую» за помощью.

Он бросился с платформы под выехавший из тоннеля поезд. Его привезли в госпиталь, привязанным ремнями к носилкам, и он неделю пролежал в дурдоме.

Что же касается меня, то, поварившись в этом «психотерапевтическом бульоне» (почти три года в институте и на практиках), я уже был очень осторожен насчет возможного суицида моих пациентов. К счастью, ни один из них с собой не покончил. Но и мне не раз приходилось отводить сомнительных больных к своему начальству, вызывать им «скорые».

Иван в моей практике был первым, совершившим реальную попытку.

Глава 8

Раз в неделю, по четвергам, в просторном, светлом зале проводились совещания медицинского персонала, где собирались все психиатры и психотерапевты клиники**. Кто-либо из врачей представлял для общего обсуждения дело своего самого сложного пациента.

...– Только по существу, только по делу! Никаких гипотез, никаких догадок. Говори только то, что известно наверняка, – наставляла меня Сандра по пути в зал, где должно было проходить совещание.

Надо сказать, она тоже немного перетрухнула: все-таки я проходил интернатуру под ее непосредственным руководством, за мои ошибки она как супервайзер тоже отвечала.

– О`кей, все сделаю, как ты советуешь.

...В торце стола восседал строгий заведующий Ричард Грубер. Собравшиеся врачи, расположившись в креслах, приготовились слушать мою презентацию. Раскладывая перед собой бумаги, я украдкой косился на стеклянную стену напротив, отделяющую зал от коридора.

– Итак, вот история больного: ранее, в России, Иван Н. был хирургом. Он завидовал своему брату – успешному бизнесмену, владельцу автомастерской... трагический инцидент во время операции... мучился угрызениями совести... развилась тяжелая депрессия...

Все это я говорил по памяти, изредка поглядывая на лист бумаги, который держал в руках. И вдруг... за стеклянной стеной напротив... По коридору

медленно прошел мужчина в сером потасканном пальто, взлохмаченный. Нет, не он. Все они – сумасшедшие, чем-то похожи друг на друга: расхристанные, неухоженные. Блуждают, как тени, по коридорам городских клиник и госпиталей...

Приступили к обсуждению. Первым делом, моих американских коллег заинтересовала не любовная, а финансовая сторона. Им показалось весьма странным, даже неправдоподобным, что Иван-хирург завидовал успеху брата-владельца автомастерской. Разве такое возможно?

Зарплата хирурга в Америке исчисляется шестизначными цифрами, в сотнях тысяч долларов. Это – у обычных, рядовых. Про светил хирургии и упоминать не будем. Многие американские хирурги часто выступают в прессе, ведут свои радио- и телепередачи, имеют положение в обществе. А владелец автомастерской? – Мелкий хозяйчик в промасленном комбинезоне: приварить трубу глушителя, заклеить пробитую камеру колеса.

Обратились к одному психиатру, из России. Она хоть и приехала в Штаты давно, но отношения с бывшими российскими коллегами поддерживала. Подтвердила: да, всё правда, – в России такое возможно. Тем более, когда речь идет не о Москве или Санкт-Петербурге. Если средний хирург обычной областной больницы сложит вместе свою зарплату и деньги, полученные им в качестве взяток, то все равно до уровня владельца хорошей автомастерской вряд ли дотянет.

Эта информация – о жалком положении врачей в России – вызвала настолько живой интерес, что о горемычном Иване ненадолго позабыли. Не могли успокоиться американские врачи, недоуменно пожимали плечами. И, наверное, лишний раз порадовались тому, что родились в Америке...

Затем Ричард Грубер направил обсуждение в нужное русло.

Я вяло отвечал на вопросы, путался в ответах. Непонятная апатия овладела мной. Сандра, заметив у меня неожиданный упадок духа, пыталась заступиться за своего подопечного. Но – куда там! Посыпались замечания: что в работе с Иваном я делал не так, чего недоглядел и недопонял.

– Зато какое терпение потребовалось от Германа в работе с этим пациентом!

– Сандра расточала похвалы в мой адрес. – Расскажите, Герман, как вам удалось распутать темный клубок души этого больного. Герман, что с вами?..

– Мне нужно выйти, срочный звонок! – я поднял в руке свой мобильник. И, не дожидаясь ничего разрешения, быстро направился к двери.

...В коридоре – Иван! Он был без шапки, в ношенном клетчатом пальто, в котором я видел его в последний раз, в церкви. Иван широко улыбнулся, не раскрывая губ. Я всегда поражался этой его способности – широко улыбаться, не размыкая губ. Лицо его было свежевыбрито, правда, небрежно, на краях широких скул темнели островки щетины.

– Выпустили из психбольницы. Вот как... – промолвил он.

Не успел он закончить, как я схватил его за пальто и потащил за собой по коридору. Он не сопротивлялся, покорно шел, вернее, волочился. Мы очутились у двери какого-то кабинета, неподалеку от лифта. Там, в углу под потолком, висела видеокамера.

– Ч-черт! – я потянул Ивана еще дальше, в узенький коридорчик возле туалета. Достал из кармана две скомканные двадцатидолларовые купюры. – Я знаю, знаю, что ты – убийца! Но я никому не скажу об этом. А теперь – бери деньги и уходи. Уходи...

Иван ошарашено таращился на меня. Увидев в моих руках деньги, отклонился. Не мог понять, что происходит. Затем какая-то догадка осенила его. Лицо его искривилось. С невыразимым презрением он посмотрел на меня. Попятился назад, прикрывая лицо руками, будто его ударили наотмашь. Повернулся и бросился прочь.

– Что ж, коллеги, пора закругляться, – сказал заведующий после того, как я вернулся, и совещание приблизилось к концу. – Думаю, все, кто хотел, уже высказались. Герман сегодня наверняка почерпнул для себя немало полезных советов. Психический больной в состоянии алкогольного опьянения бросился под поезд. К счастью, не погиб. Когда пациент к нам вернется, мы сможем составить полную картину случившегося. Как бы то ни было, Герману и его супервайзеру следует наблюдать Ивана предельно внимательно, – заведующий сделал короткую паузу и неожиданно добавил. – А, в общем, Герман блестяще работает с этим пациентом. Молодец!

* * *

Спустя несколько недель, когда страхи и страсти немного улеглись, я позвонил Ивану. Он не откликнулся. Не откликнулся и на мой второй звонок, и на третий. Прошло еще немного времени, и дело его закрыли.

Как дальше сложилась его судьба? Сумел ли он найти в себе силы и раскаяться? Или, может быть, возвратился в Россию? Женился?

Все же, думаю, ничего у него не изменилось: по-прежнему пьет водку, падает со стремянок, ломает себе руки и ноги. Судится. Продолжая таким чудовищным образом мстить себе и миру.

Как ни странно, я был уверен, что рано или поздно мы с ним встретимся.

Но почему я себя так повел? Почему? – Потому, что соглашался, когда надо было возмутиться, вежливо улыбался, когда следовало гневно закричать.

Улыбочка за улыбочкой, молчание за молчанием. Так принято. Таковы правила. И незаметно скатился.
Позор, доктор Герман. Па-зор!..

Окончание ознакомительного фрагмента